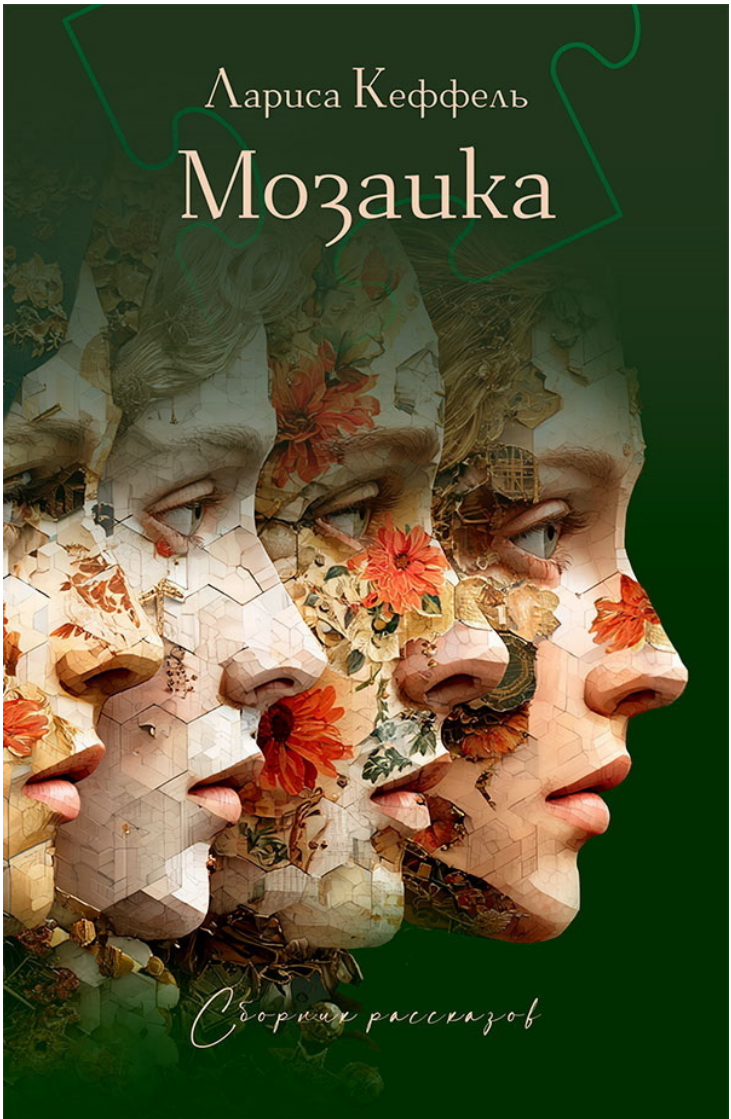
Лариса Кеффель

Мозаика



Сборник рассказов

Лариса Алексеевна Кеффель-Наумова
Мозаика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74756436
Мозаика. Сборник рассказов / Лариса Кеффель: У Никитских ворот; Москва; 2026
ISBN 978-5-00246-668-9

Аннотация

Сюжеты этой книги, как кусочки смальты, рассыпаны в хаотичном порядке и представляют собой мозаику, которая при вдумчивом прочтении складывается в цельную картину. Временной охват происходящего обширен и затрагивает самые трагичные периоды от двадцатых годов XX века до современности.

Лариса Кеффель продолжает разговор о человеке, эмигрировавшем за рубеж или только намеревающемся сделать этот критический шаг. Автор раскрывает изнанку глянца западной жизни, предупреждает, что рая на земле не существует.

Книга пронизана состраданием и любовью к каждому из героев. Искренность повествования вызывает доверие к написанному, пробуждает размышления о справедливости мироустройства, истинных и ложных ценностях, трагических поворотах судьбы и чувстве Родины.

Содержание

Частичка русского мира	5
Ангел	10
Джамбия	24
Картина	36
Виза в страну чудес	48
Авдотья-целительница	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лариса Кеффель-Наумова
Мозаика. Сборник рассказов

© Кеффель Л.А., 2026
© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Частичка русского мира

Рассказы Ларисы Кеффель всегда написаны с большой эмпатией по отношению к людям. Кто бы ни был героем или героиней, мы проникаемся его судьбой, внимательно следим за перипетиями его жизни, вернее, в той части, что выбирает авторская оптика, и в конце испытываем то ли радость, то ли разочарование.

В этой книге собраны рассказы. Она не случайно называется «Мозаика». Мозаичность мышления Кеффель позволяет ей легко сочетать несочетаемое, высекать настоящие искры из соприкосновения характеров, из столкновения судеб с неожиданными обстоятельствами.

В её рассказах много персонажей, жизнь которых проходит на чужбине. Важно заметить, что она не делает акцент на тех, кто уехал из политических соображений, волны старой миграции не особо занимают её. Она показывает людей, способных к широкому пониманию мира, к жизни в Европе без обрывания связей с Родиной.

В первом рассказе есть налёт мистики. Старичок, сопровождающий героиню в долгой автобусной поездке из Европы на Родину, остаётся вне зоны реалистического видения, хотя он спасает автобус от катастрофы. Кеффель концовкой этого рассказа сразу задаёт тон на дальнейшее:

– Толик! – кричала она шофёру. – Ты не видел здесь дедушку, с которым я ехала?

– Какого дедушку? – Дима и Толик были заняты. Собирали документы для диспетчера.

Так жаль, что она с ним не успела попрощаться. Вроде он мелькнул в толпе с рюкзачком за спиной и пропал.

А вдруг это был ангел?

Описанные в книге события такие прихотливые, что пусть читатель сам решает, где вымысел, где правда. Кеффель великолепно знает и великолепно показывает европейскую жизнь. Она развенчивает многие мифы, как и то, что там все шоколадно, так и то, что там одни мигранты и делать там нечего. Осознание российским советским человеком себя в иной реальности, с другими обычаями – постоянная тема Кеффель, решает её она очень по-человечески, тонко, без истерики и политизации.

Теперь она уже знала истинную цену этих глянцевых миражей, но нам свойственно мечтать о том, что где-то на свете есть чудесная страна с прекрасными горами и водопадами, замками и дворцами, и там живут всем довольные, богатые и счастливые люди. Поэтому не говорила им, что муж оказался скупым и подарки она покупала на те копейки, что зарабатывала, убирая квартиры у швейцарцев. Одно хорошо. Что не стояла между ними прошедшая война.

Кеффель даёт нам возможность многое прояснить, она бесценный первоисточник многих ситуаций и эмоций русского человека в западном социуме.

Многие герои Кеффель – женщины. Она не примитизирует женскую душу, не погружается в духовную болтовню глянца, женщины у неё живые, со своими мечтами, страхами и потрясениями. Выделяется рассказ «Джамбия». Здесь героиня Кеффель остаётся наедине со своим страхом, мы так и не понимаем, встретила ли она насильника или просто навязчивого мачо, но крайне переживаем за неё, как будто это наш близкий человек. Это опять-таки к теме эмпатии. Кеффель так сопереживает своим героям, что мы поневоле втягиваемся в эту парадигму. Кеффель умело обходит штампы, её логика настолько индивидуальная, что она легко обманывает сюжетные ожидания читателей, даря им повороты, которые они не могли ни представить, ни ожидать.

Открыла дверь в холл. Ей казалось, что он стоит сзади. Она резко оглянулась, но позади неё никого не было. Проскользнула туда и быстро повернула ручку щеколды. Потом, стараясь не шуметь, вошла в квартиру и закрылась на все замки, набросила цепочку. Всё! Постояла, прислонившись к двери. Мама сонно позвала из спальни:

– Ладка, это ты?

Кеффель любит описывать действия, всегда делает это со вкусом, нет навязчивых механистичных перечислений, каждый жест гибкий и живой, всё описано подходящими словами.

В целом творческой манере Кеффель свойственна некоторая сентиментальность. Дымка ностальгии, теплота воспоминаний, надежда на то, что всё будет хорошо, питает её творческую индивидуальность. Даже описывая весьма горестные ситуации, она сохраняет общий лирический тон. Её синтаксис очень разнообразен, ритм своей прозы она подстраивает под художественную задачу, читателю уютно внутри её текста за счёт особой словесной атмосферы, которую каждый как будто немножечко узнаёт. Мне приходилось прежде читать крупную прозу Кеффель, могу сказать, что в рассказах она следует тем же принципам, один из которых – это преобладание сюжета внутреннего переживательного над непосредственно событийным. Иногда кажется, что в её рассказах ничего не происходит. Подчас так оно и есть, но описание переживаний персонажей откликается в сердце. Словарный запас Кеффель велик, есть мнение, что живущие долго вне России утрачивают живость языка, хоть и хранят его во всех нюансах, оберегая от загрязнений. Кеффель избегает излишней академичности, её проза звучит, голоса её героев словно перебегают из книги в реальную жизнь, сопровождают тебя. Она умеет сделать диалог эксклюзивным, но при этом сохраняется понимание, что ты сам когда-то мог

слышать нечто подобное.

Лариса Кеффель – часть русского литературного мира. Радостно, что она издаётся в России и не отгораживается от великой Родины, которая не устаёт питать русские таланты, где бы они ни жили.

Максим Замшев,
Главный редактор «Литературной газеты»,
Председатель Правления МГО
Союза писателей России,
Президент «Академии поэзии»,
член Совета по развитию гражданского
общества и защите прав человека
при Президенте РФ

Ангел

Ирина попрощалась с женихом. Буркхард, невысокий блондин в очках, с обожанием смотрел на неё, то и дело тревожно сжимал её руку. С готовностью запихнул в отсек под автобусом небольшую сумку невесты.

Она взглянула на первое место за водителем. Около окошка сидел старый дед в бейсболке. Немец, прощаясь, в последний момент порывисто обнял, неловко поцеловал Рину и покинул автобус. Иринино кресло было у окна, но она не стала сгонять старика с места. Не всё ли равно? Будет смотреть в стекло водителя. Так даже лучше. Она плохо переносила автобусы. Слабый вестибулярный аппарат. Когда была маленькой, то очень страдала. Расстраивалась. Поездка в пионерский лагерь превращалась в кошмар, и пока она, бледная, мысленно моля о скорой остановке, мучилась на переднем сиденье, грызла спички, остальные пионеры заливали в себя литрами лимонад и лопали, чавкали, чмокали всю дорогу до лагеря, который находился под Михнево. Как будто их год не кормили. Как только автобус останавливался коротко, она пулей вылетала и бежала в сторонку.

С возрастом организм окреп, и она стала легче переносить поездки. И всё же больше всего на свете она любила метро. Но на метро из Германии не уедешь.

Билет на автобус сразу в оба конца она купила ещё в

Москве. Дешевле намного, и в аэропорт не надо ехать. Автобус отходил от городского вокзала.

Ирина поздоровалась с водителем – его звали Дима – и уселась в своё кресло.

Автобус тронулся. Она без энтузиазма помахала Буркхарду, облегчённо вздохнула и откинулась в кресле. За окнами мелькал безликий индустриальный район, слева тянулась унылая железнодорожная насыпь. Салон был переполнен, и в летнем разморённом воздухе смешивались запахи кресельной обивки, пота, мужских носков, дешёвого дезодоранта, еды, и добавлялось ещё амбре из туалета, если плотно не прикрывали дверь. Аппетита, впрочем, это путешественникам не портило. Они накинулись на принесённые с собой котлеты и курицу гриль, не успел автобус отъехать от стоянки. «Оголодали здесь, что ли?» – подумала усталая Ирина и вспомнила своё пионерское детство. Шуршали газеты и целлофановые мешки, разрывались упаковки и пшикали пробки от тёплой газировки. У водителя работал вентилятор, и поэтому всё это не так било в нос, как в середине и в конце салона.

– Прости, дочка. Пропустишь?

Дед в смешной бейсболке, по бокам которой были нарисованы маленькие крылышки, привстал и ждал, когда она тоже поднимется со своего места.

– Да. Конечно.

Ирина пропустила его. Постояла, улыбнулась водителю.

Дед вернулся. Уселся. Она чувствовала, что сосед исподтишка разглядывает её. Немного погодя он спросил:

– Ты, дочка, тоже домой едешь?

– Тоже.

– А сама откуда? Из Казахстана?

– Почему из Казахстана? – обиделась Ирина. – Из Москвы.

– Из Москвы? А здесь что делала? Родню навещала? – Словоохотливый дед, казалось, был настроен пообщаться.

– Нет. Замуж приехала выходить. – Так устала, что врать не хотелось. Да и видит она этого незнакомого деда первый и последний раз в жизни.

– Замуж? – дед, казалось, был разочарован. – За кого? За нашего немца?

– Нет. За ихнего, – в тон ему ответила Ира, потихоньку начиная раздражаться на приставучего соседа. С таким ни книжку не удастся почитать, ни подремать, ни прокрутить в голове всё, что с ней случилось за последний месяц, а это было ей ой как надо.

В начале 90-х газеты запестрели объявлениями: «Найдём мужа в любой точке земного шара!» Подруга Галя позвонила по одному из телефонов. Поехали. Сотрудник брачной конторы открыл захламлённый подвал. На цементном грязном полу возвышалась гора писем.

– Письмо – сто рублей, – предупредил устало барыга и зевнул, придерживая тяжёлую стальную дверь подвала.

Взяли по пять писем. Написали. Галине, которая была намного старше Рины, достался швейцарец. Тот вмиг оказался в Москве, они друг другу понравились, и дело шло к свадьбе. А вот Рине не повезло. Приехав в город Ланген на западе Германии, она позвонила претенденту – Андреасу. Он примчался на вокзал. Рина забежала в туалет. Помылась и подкрасилась. Стояла, волнуясь и ожидая. Ввалился толстый тип. При ближайшем рассмотрении, когда он деловито схватил её сумку и понёс к выходу, Рина заметила, что джинсы сзади были расставлены – посередине вшит клин. Внешность – тоже полный провал. На старой раздолбанной «Ауди» с давно не чищенным салоном он привез её в свой дом, заваленный старым хламьём, где их встретила его мать. Предложила перекусить. Есть у них совсем не хотелось. Когда претендент недвусмысленно намекнул, что пора бы приступить к делу, Рина сказала без обиняков: «Прости, Андреас. Ты мне не понравился. Но если ты поможешь мне дальше поискать хорошего парня, то я тебе тоже помогу. Я могу у вас убираться. Помогать по хозяйству. Ну что? Договорились?»

Делать нечего. Стала трудиться по дому. У Андреаса была чудна́я мать. На половине постели она спала. А на другой половине громоздилась гора тряпья. Дом был запущен. Рина вымыла окна, работала в саду. Жила она в маленькой комнатушке. Спала на раскладном кресле. Иногда смотрела с Андреасом телевизор. Мало что понимала. Она похудела, но это даже хорошо. Джинсы, которые раньше сидели на ней

туго, теперь спадали, можно было просунуть кулак.

Ей часто говорили, что она симпатичная. Большие глаза, высокие скулы, полные от природы губы, чуть вздёрнутый нос. Свои светлые волосы она собирала в хвост. На улице на неё оглядывались. А что толку? Немцы не знакомятся на улице.

Первый раз в этой хвалёной Германии. Деньги она поменяла на дойчемарки ещё в Москве неудачно, по низкому курсу. Сумма получалась небольшая. Хотелось ей, конечно, попробовать немецкой еды, разбегались глаза при взгляде на витрины кондитерских, где стояли шварцвальдские торты с прослойкой из вишен, пирожные с желе и фруктами, слоёные сердечки с творогом и клубникой внутри. Но, налюбовавшись на сладкое изобилие, она шла в «Альди», где покупала упаковку самых дешёвых булочек, сыр и колбасу. Заходила Рина и в большие магазины одежды, запоминала модели. Примеряла, рылась в уценённых вещах прошлого сезона. Но и из этого ничего купить себе не могла. Увидела в киоске пару журналов «Бурда» с выкройками. Она хорошо шила. Вот приедет домой и сошьёт себе сногсшибательный комбинезон и платье-чулок с маками и с оборками понизу. Ткани у неё в Москве были. Бродила по немецким старинным улочкам, фотографировала своим аппаратом-мыльницей фахверковые постройки с коричневыми балками, церкви, маленькие магазинчики-бутики, где прямо на булыжную мостовую продавщицы выкатывали кронштейны с дорогой

одеждой и аксессуарами. Гуляла мимо уличных кафе, ресторанов. Под большими полосатыми навесами немцы весело пили кофе или звенели вилками и ножами, пробуя свежую жаренную на гриле рыбу с пёстрым рисом басмати, стейки с картофельными поджаристыми клёцками или шницели с картошкой фри и салатами, благоухающими руколой и базиликом. Она была чужая на этом празднике жизни. Пока она себе этого позволить не могла. Пока…

Андреас расщедрился и на выходной повёз её на фломаркт. На этой барахолке немцы, итальянцы, турки продавали подержанные вещи: посуду, велосипеды, микроволновки, ковры, лампы, книги и ещё много всякой всячины, от старинного угольного утюга до современных электроприборов. И всё это в разы дешевле, чем в магазинах. Она гуляла по развалам, смотрела, приценивалась. Нашла там подарок для мамы – измеритель давления на руку. Только без батареек. Андреас обещал ей поискать батарейки дома.

С разрешения своего «друга» звонила иногда на минутку в Москву. «Мам, у меня всё хорошо. Скоро приеду и всё расскажу». Ирина старалась, чтобы её голос звучал бодро. Она пыталась скрыть своё непонятное положение. Зачем маму расстраивать?

Андреас откопал в какой-то из местных газет номер телефона для знакомств, и она наговорила стандартный текст своим голосом, которому попыталась придать нежный доброжелательный тембр. Андреас помог с немецким: «Здрав-

ствуйте! Меня зовут Ирина. Я русская. Стройная. Мне 24 года. Светлые волосы. Ищу мужчину для серьёзных отношений!» Потом прослушивала сообщения. Ничего интересного. Сексуально озабоченные типы.

Наконец позвонил вроде приличный. Представился. Сказал, что ищет серьёзную девушку для женитьбы. Увиделась с ним всего три раза. Андреас ревниво охранял свою подопечную. Сам привозил и увозил со свиданий. Придя на первую встречу в какой-то бар, она огляделась. Помятый тип в шортах и растянутой футболке вскочил из-за маленького столика и махнул ей рукой. «Ну почему мне так не везёт?» – в отчаянии подумала Ирина, подходя к нему. Предложил присесть. Угостил её гамбургером и колой. Так она познакомилась с Буркхардом. Он быстренько предложил ей руку и сердце. Ирина обещала подумать. Виза уже заканчивалась.

– Я пришлю тебе приглашение, ты приедешь, и мы поженимся.

Вроде неплохой парень. В банке работает. Марафон бегает. Вполне симпатичный, только неухоженный. Жена изменила и ушла к другому. Осталась дочка. Лишь одно терзало Ирину… Она его не любила. Ничего не ёкало. Разве можно так замуж выходить? С ума она сошла, что ли? А где её нравственность? Где читанные ею Тургенев и Чехов? Рина не чувствовала в новоиспечённом женихе ни романтики, ни уж тем более чего-то похожего на интеллект. Это её раздражало. Может, она его просто мало знает? Поговорить бы

с ним подольше, пообщаться, зацепиться бы за что-нибудь. Немецкий она знала ещё неважно. Разве угадаешь, поймёшь на чужом языке за три свиданья, каков человек? Их общение пока сводилось с его стороны к рассказам о предательнице-жене и об успехах дочки в бальных танцах. Она тоже много о себе не говорила. Нельзя же после этого вдруг начать целоваться. А вот новому знакомому она, видно, сильно понравилась, и его ничто не смущало. Хоть завтра под венец! Рина видела, что он влюблён.

– Ты прости меня, дочка, если пристаю с расспросами. Дорога длинная. Хочешь – и ты меня о чём спроси. Раньше ведь все люди разговаривали друг с другом. А сейчас я в этой Германии насиделся молчальником. Как воды в рот набрал. И такая тоска. С этими говорить не хочется.

Рина улыбнулась.

– «С этими»… Они же вам по крови один народ.

Дед хмыкнул.

– Твоя правда. Когда-то были один народ, да уж мои предки – немцы с Волги. Сослали нас в Казахстан. Там потихоньку обосновались. Голые, босые. Русские очень помогали. Всё несли нам – и одёжу, и валенки – и дом помогли поставить. И вот приехали мы туда чужими, а стали они нам своими, ближе некуда. Да какие мы немцы? – Он помолчал. – Говорим на старонемецком, да и то только старики. Молодёжь – уже нет. Эти-то понимают с трудом и за своих нас в Германии тоже не считают. Вот так, дочка.

– А чего же вы там живёте, если не нравится и за своих вас не считают?

– А я и не живу. – Дед вздохнул. Покашлял. – Домой еду.

– Как домой? Куда?

– В Казахстан. – Дед посмотрел на неё, лукаво прищурившись.

– А кто у вас там?

– Никого. Все сдуру сюда уехали. Русаки-соседи там дом наш купили. Говорят, обратно продадут. Эх, дочка. Знаешь, там какое приволье? Выйдешь на вечерней зорьке, сядешь на скамеечку. Один сосед идёт. Побалакает. Другой присядет, бабы остановятся, новости принесут. Всё своё, родное. А здесь… – дед досадливо махнул рукой. – Все лыбятся, а без сердца.

Рина изумилась.

– А жена у вас есть?

– А как же. Есть старуха. Полвека уж вместе. – Он усмехнулся. – И дети есть, и внуки.

– А они назад поедут?

– А кто ж их знает? Это их дело. Я домой еду.

– А жена поедет? – не отставала Рина.

– Поедет. Куда она денется! – Дед махнул рукой, показывая, что на этот счёт даже не волнуется. – А что жена? – дед насупился. Немного погодя взорвался: – Ну что это за жизнь? Посадили в квартиру тесную. Даже балкона нет. Какая-то решётка вместо балкона. Обставились, дети помогли.

И сидим. Бабка к окну. Я к балкону. Бабка на балкон этот дурной – я к окну. Как волк в клетке. У детей своя жизнь. Заняты. Работают. Учатся. Редко приезжать стали. Некогда. И чужими какими-то со временем сделались. Вроде мы дураки деревенские и только им мешаем.

– Ну вы даёте! Такое решение принять одному?

– А кого мне спрашивать? Я мужик. Один раз решил и уехал. Я вот немец, дочка, а ты, видать, русская. Самая что ни на есть. Зачем ты в каторгу эту уезжаешь? Поглядел я на твоего жениха. Он тебя старше лет на десять!

– Как вас зовут? Меня – Ирина. Риной попросту называют.

– А я Кристоф Энгель.

– Рада познакомиться! – потрясла его Ирина за руку. – Какое у вас имя интересное! И фамилия.

Рину удивило и как-то даже расположило к деду то, что его так звали.

– Такое при рождении дали, – смущённо произнёс старик.

– Да сейчас и дома каторга. Продуктов нет, работы нет. Жизни никакой нет, – продолжила Рина.

– Ну уж и в Москве жизни нет? Не поверю.

– Почему не верите? Жить не на что стало, дедушка… Одни олигархи жируют, и бандюги кругом!

– Я тебе так скажу. Девушка ты красивая. Ищи на родине хорошего парня. А немца этого оставь. С ними свои только жить могут. Послушай меня. Не возвращайся к нему.

– Почему вы так говорите? И откуда вы всё знаете? – немножко обиделась Рина.

– Да уж знаю. Не один год промучился и много повидал, многого наслушался.

На дорогу опустилась ночь. Водители Дима и Толик менялись каждые четыре часа. Сопровождающая группы договаривалась, носила паспорта полякам, чтобы пропустили через границу. Так и ехали. Дед рассказывал что-то весёлое, в основном про своё деревенское житьё-бытьё ещё в Союзе. Про немецкую реальность вспоминал неохотно. И чем больше она его узнавала, тем больше он ей нравился, простой русский дед. И правда, он совсем не похож на немца.

Было часа четыре утра. То просыпаясь, то вновь проваливаясь в сон, она видела, как они едут по Польше, по очень узкому шоссе, обсаженному здоровенными тополями. Сквозь стволы деревьев виднелись зеленеющие поля в предрассветной туманной мгле. Рина задремала. Вдруг она открыла глаза и увидела в окно, как на их автобус со встречной полосы на всей скорости мчался огромный грузовик. Они сидели с левой стороны, прямо за водителем. Это были секунды. Казалось, что столкновения не избежать. И пришлось бы оно как раз на кабину водителя и на них. От ужаса она открыла рот и посмотрела на старика. Дед Кристоф не спал. Он поднял руку, и летящая на них фура резко ушла от них влево. А их шофёр Дима, тоже, видно, задремавший, вильнул вправо. Дед повернулся к ней и сказал:

– Спи. Всё хорошо.

И она тут же уснула. Наутро она плохо всё помнила. Было это или ничего не было? Может, это ей привиделось в сидячей дрёме? Укачало её? Голова мотается из стороны в сторону. От частых пробуждений не знаешь, где ты и куда едешь. Но нет. Не может быть. Она точно помнила фары страшного огромного тягача, на манер американского, его блестящие хромированные трубы, решётчатую пасть над бампером. И особенно тот момент, когда дед выставил руку вперёд и из неё будто пошёл свет.

Весь последний день Рина пыталась разговорить старика. Ему ещё надо было пересаживаться на автобус в Казахстан и ехать почти неделю. Чем больше она всматривалась в его лукавые глаза, румяное лицо, которое время украсило добрыми морщинками, слушала его речь, шутки-прибаутки, тем больше она проникалась к нему симпатией. И ночное происшествие не могла забыть.

– Дедушка Кристоф? Хотите, побудьте денька два у нас, отдохните. Я вас на Красную площадь свожу, в Кремль. А? – завлекала она его. Ей как будто не хотелось с ним расставаться.

– Нет, дочка. И так долго ехать. Друг ждёт. Полдеревни меня ждут. Сказал им, какого числа приеду.

Водители делали редкие остановки на заправочных станциях, чтобы залить бензина, дать возможность пассажирам размять ноги и купить какой-нибудь немудрящей еды там

же, в кафе с яркими зонтиками. Дед Кристоф не выходил. А Ирина выбегала. Вернувшись, угощала его пирожками. Пили из пластиковых стаканчиков чай, который разливал Толик из титана, находящегося в конце автобуса.

…Полетели родные просторы. Рина с волнением узнавала пейзажи – словно ожившие картины Поленова, Шишкина. Так стосковалась. Проплывали за окнами в хороводах белоствольные берёзы на пригорках, мелькали церковки с голубыми куполами, придорожные неказистые деревеньки с летними террасками и покосившимися заборами, поленницами дров во дворах. Ближе к Москве по обеим сторонам начались новостройки, склады, запестрели автомобильные магазины с кричащими вывесками Mercedes-Benz, Audi, мебельные салоны. Чувствовалось, что всей мощью, кутерьмой людской надвигается на них столица. Пышет жаром.

Автобус остановился на площадке у Ярославского вокзала, недалеко от метро. Приехали. До людей вдруг дошло, что это Москва, что наконец добрались до дома. Все засуетились и полезли вон из салона. Пассажиры стояли гуртом и один за другим, надрываясь от тяжести, вытягивали из усталого, не остывшего ещё чрева автобуса свои огромные баулы и чемоданы, среди которых затерялась Иринина голубенькая спортивная сумка. Получив её и вынырнув из толчеи, она оглянулась и стала искать глазами старика. Его нигде не было. Ни в автобусе, ни около. Он как будто испарился.

– Толик! – кричала она шофёру. – Ты не видел здесь де-

душку, с которым я ехала?

– Какого дедушку? – Дима и Толик были заняты. Собирали документы для диспетчера.

Так жаль, что она с ним не успела попрощаться. Вроде он мелькнул в толпе с рюкзачком за спиной и пропал.

А вдруг это был ангел?

Джамбия

Лада засиделась у подруги в Беляево. Устроила с ней нечто вроде прощального девичника. Вспоминали свои в общем-то невинные приключения, беззаботную юность, фотографировали друг дружку. Выпили немного шампанского, за удачу. Кто знает? Может, разлучались они надолго. Лада вскоре уезжала в Германию. А что здесь ловить? Там, в Европе, Лада была в этом уверена, её ждёт благоустроенная комфортная жизнь, а дома, в Москве, – крошечная зарплата, колготки лишний раз не купишь, а они рвутся, заразы! И никаких перспектив, в стране бардак! Возвращаться домой надо было около двух часов на другой конец города. Липы на аллее, по которой она торопливо шла к метро, тревожно шелестели. Позднота-то какая! Ни одного человека. Дорогу перебежала тень. Кошка. В полутьме Лада не поняла – чёрная или нет. А, плевать! Она не суеверна. Нырнула в подземку. Успела на пересадку. Доехала по кольцевой до «Новослободской». Рядом с метро была большая автобусная станция. Лада зябко поёжилась. Был конец мая. К ночи посвежело, а на ней только топ да белая юбка с шитьём. Около метро шныряли какие-то странные типы, бродили сонные цыгане, вяло приставая к запоздавшим прохожим.

– Дай погадаю тебе, красавица! Всю правду как есть расскажу! – услышала она и вздрогнула.

Перед ней выросла как из-под земли цыганка. Блеснули в усмешке золотые зубы. На Ладу пахнуло затхлостью, смешанной с дешёвыми духами. Взгляд цыганки прожёг её насквозь. Вот ведь шельма! Ромала была обвязана шалью. Господи! Там же младенец!

– Ох, яхонтовая, всё вижу. – Гадалка бесцеремонно схватила её руку, развернув ладонь. – Ай-ай! Беда над тобой кружит. Будь осторожной!

– Какая беда? – испугалась пуще прежнего Лада. И так поджилки трясутся.

– А вот дай три рублика – и всё узнаешь.

– Ещё чего! – возмутилась Лада таким расценкам. – Отвяжись! – Она буквально вырвала у настырной попрошайки руку и побежала к автобусу, плотнее прижимая к себе сумочку.

– Люди добрые! Посмотрите! Ай! Ребёнку на молоко пожалела! – запричитала привычно ей вслед нахальная Эсмеральда.

Лада остановилась. Пошарила в сумочке. Вернулась и сунула горластой бродяжке рубль с мелочью. Всё-таки ребёнок у неё.

– Вот спасибо, ясноглазая! Удачи тебе! – донеслось ей вслед.

Добежав до автобуса, она впорхнула в открытые двери. В салоне в час ночи было немноголюдно. Когда экспресс свернул с Дмитровки, высадив большую часть пассажиров, и по-

шёл, тормозя на каждой остановке, по бульвару, девушка стала боязливо оглядываться. Многие вылезли на «Торговом центре». Лада с тоской провожала выходящих и всё сильнее волновалась, постоянно считая оставшихся. Их число таяло. Вот их пятеро. Нет. Уже трое. Двое вышли у «Аптеки»…

Напротив, через проход, она заметила мужчину в светлых брюках и летнем спортивном пиджаке. Он с интересом посматривал на неё. Лицо его Ладе сразу не понравилось. Переломанный нос. Нет. Глаза. Нехорошие глаза. Что-то в них было отталкивающее. Она отвернулась и заставила себя смотреть в окно на мелькающую в фонарях листву ночного бульвара и ни о чём не думать. Когда автобус наконец дотащился до её тмутаракани, в салоне остались только этот мужчина в пиджаке и она. Лада с опаской спрыгнула с подножки, мужчина последовал за ней. Она шла, всё время прислушиваясь и оглядываясь. До дома в принципе недалеко идти, наискось, по протоптанной людьми тропинке, но на улице ни души. Она посмотрела на свои наручные часики. Почти два часа.

– Какая вы красивая девушка! – услышала она сзади. – Вся в белом.

Лада, то и дело озираясь на него, молчала и торопливо шла по направлению к своему подъезду. Незнакомец не отставал и шумно дышал ей в спину.

– Я всю жизнь мечтал о такой девушке. Я в десанте служил. У меня чёрный пояс карате. И всегда ношу с собой по-

дарок командира. Джамбия – арабский кинжал. Видели такой? Хотите, покажу?

Лада оглянулась на него. Да он сумасшедший! Настоящий маньяк! Безумный восторженный взгляд, в глубине которого таилась смерть. Планировка подъездов шансов выжить ей не оставляла: квартиры отделены от лифта коридором с запертыми дверями. Глухая лестница. Никто не услышит её мольбы о помощи. Изнасилует, а потом убьёт – представила себе Лада. Она поняла, что подъезд станет смертельной ловушкой, какой бы путь она ни выбрала. По лестнице убежать не удастся, и лифта пока дождёшься, пока он закроется… Лада обернулась к нему, пошли вровень. На губах девушки заиграла лёгкая улыбка.

– Вы десантник? Как интересно! Вы, наверное, побывали в тяжёлых передрягах, были на волосок от смерти? Да?

– Да. Ты права. Какая ты хорошая! – незнакомец ел её глазами.

У подъезда стояла скамейка. Лада села поближе к двери. Десантник плюхнулся около неё, касаясь локтем её голой руки. Лада слышала его прерывистое дыхание.

– Я всегда мечтал о такой девушке. Когда в Афгане был, то представлял, что у меня будет любимая. Вот как ты – вся в белом. И я буду назначать ей свидания, буду всегда дарить ей большущие букеты и целовать на последнем ряду в кино.

– Страшно было в Афгане?

– Душманы резали наших как овец. Ночью. Отрезали ре-

бятам, что стояли в карауле, головы.

«Жаль, что тебе не отрезали», – зло про себя подумала Лада, но, прижав руки к груди, сочувственно покачала головой.

– Ну вас там, наверное, тоже кое-чему научили?

– Научили. – Он страшно улыбнулся, скорее даже оскалился. В свете фонаря блеснули его жёлтые, как у волка, зубы. – Я шею одним движением свернуть могу. Обездвижить, нажимая на определённые точки. С одного раза всадить нож в самое сердце. Многому научился.

Лада поёжилась.

– А у тебя крестик… – он схватил своей лапищей маленький золотой крестик у неё на шее, висевший на тонкой цепочке. – Верующая или так носишь?

– Я крещёная. Православная. А вы?

– А! Давно верить перестал. Увидела бы ты, что я видел…

Лада отвела его руку и со страхом прижала рукой крестик к груди.

– Однажды нашу колонну в расщелине между горами обложили. Был сущий ад. Меня контузило. Долго валялся в госпитале, а потом комиссовали. Вернулся домой – никому не нужен. Девчонка знакомая мне писала, а замуж за другого выскочила. Стерва!

Лада заметила его мёртвый стеклянный взгляд и вздрогнула.

– Смотри! Я всё же тебе покажу, что подарил мне наш

комбат. У какого-то важного душмана в бою взял.

И он откинул фалду пиджака. За широким ремнём джинсов сбоку торчала куцая ручка и верх, кажется, деревянного чехла. Видно, ему не терпелось похвастаться, вытащить смертоносный подарок и поиграть лезвием. «Скорее всего, врёт он и про командира, и про подарок, и про Афган. Такие всегда под ветеранов Афгана косят. Героями представляются!» – не верила Лада.

– Не надо! – вскрикнула Лада. – Ах, я не переношу оружия! Это вам, мужчинам, нравится всякое такое. Хороший, конечно, подарок в той ситуации, но сейчас, слава богу, мы не на войне и вам не от кого меня защищать. Душманы сюда не придут, – улыбнулась она. Внутри у неё всё сжималось и разжималось, как мехи гармошки. Надежда сменялась отчаянием. Воздуха, казалось, не хватало, но Лада усилием воли заставляла себя дышать ровно. Только бы он не заметил её ужаса и волнения.

– Это точно! Ты не бойся! Я тебя от любого отобью. Знаешь, я всегда хотел, чтобы у меня была такая девушка, как ты. Нежная, преданная, – повторял он одно и то же, как мантру.

– Я тоже всегда хотела познакомиться с таким героическим человеком! – поддакнула Лада. – А все знакомые ребята такие поверхностные, сопляки. – Лада скептически сморщила носик. – Ещё пороха не нюхали. А вы уже зрелый, серьёзный. Многое повидали.

– Правда? А другие девицы только шарахаются от меня.

«И правильно делают!» – подумала она. Надо успокоиться. Запудрить ему мозги.

– Ой, да они ничего не понимают в мужчинах, – польстила она ему, чтобы потянуть время, лихорадочно прикидывая, как вывернуться, что дальше делать.

Где-то открыли окно. Недовольный голос мужика просипел спросонья:

– Эй, хватит болтать! Спать не дают!

Ах, как она хотела бы крикнуть этому сиплому мужику: «Родненький! Помогите! Спасите! Спуститесь и защитите меня!» Но у этого психа был нож. Успеет порезать. Это ему, видно, пара пустяков.

– Меня зовут Миша.

Он придвинулся к ней, и она ощутила его дыхание на своей щеке.

– А я Галя! – произнесла она первое имя, что пришло в голову.

– Галя… Красивое имя. Вы не бойтесь меня, Галя.

– А я и не боюсь, – соврала Лада. – С таким героем меня никто не тронет. – Она улыбнулась ему ободряюще. – Только поздно уже. Дома волнуются. Мне завтра рано вставать. Вот задержалась у подруги.

– На работу?

– Нет. Я учусь. В Полиграфическом, – опять соврала Лада, вспомнив своё неудавшееся поступление два года назад.

Если спросит, она знала, где находится институт.

– А на кого там учат?

– Полиграфия. Печать. Типография. Корректура. Редактура, – выпалила Лада.

– Журналистом будете?

– Нет. В издательстве работать. А там – как уж получится. Может, и журналистом. Напишу о вашем подвиге, и вам дадут «Героя»! Расскажете мне всё-всё, договорились?

– А ты дашь мне свой телефон?

– Конечно! Сейчас найду, на чём записать.

Лада поискала в сумочке, на салфетке написала номер, настоящий номер. Она где-то слышала, что сумасшедшие имеют интуицию, как у змеи. Ей казалось, что если она соврёт – хоть одну цифру, – то он догадается и убьёт её.

– Вот. Держите.

– Ну-ка, повтори твой номер? – вдруг недоверчиво спросил он, глядя в бумажку.

Она спокойно повторила.

– Я действительно рада знакомству с вами, Миша, и хочу с вами встретиться где-нибудь… – она оглянулась, – в более приятной обстановке. У нас будет ещё время поговорить. – Она поднялась со скамейки. – Ну, мне пора. До свиданья, Миша. Спасибо, что проводили! Охраняли меня, а то с девушкой в белом всякое могло бы случиться, – как можно мягче проворковала Лада и подала ему руку.

Он тоже встал со скамейки. Почувствовав его разочаро-

вание, Лада мягко добавила:

– Мне правда пора. Не обижайтесь. Увидимся на днях.

Он дотянулся и поцеловал её в щёку.

– Я провожу вас! – Он вскочил и открыл дверь подъезда.

– Нет. Не надо. У нас такие соседи! Ещё увидят! Неудобно. Потом сплетничать будут.

Он помрачнел, и она добавила:

– Звоните, Миша! Мы пойдём с вами в кино, и вы будете меня ждать с большущим букетом. Я люблю розы. Розовые розы, как в песне поётся.

– Да, и наденьте это белое платье. Как сейчас…

– Обязательно, если вам оно нравится. – Лада чуть приподняла кончиками пальцев, покрутила складки широкой юбки.

– Очень. Девушка в белом. Девушка моей мечты.

– Не смущайте меня.

– А какие фильмы вам нравятся?

Кажется, он поверил ей.

– Комедии, – сострила Лада – и, конечно… – она посмотрела на него долгим нежным взглядом, – про любовь, девушки все про это любят, – добавила она, чтобы не сбить романтического настроя каратиста с тесаком за поясом.

Десантник близоруко и несколько беспомощно оглянулся.

– И правда, поздно уже. А где здесь автобусная остановка?

– Если пойдёте назад, к перекрёстку, то там и будет остановка. Там и такси иногда стоят.

– А где перекрёсток?

Лада усмехнулась, несмотря на ужас ситуации. Какой же ты десантник? Совсем не ориентируешься на местности. Ну, ночь ей в помощь. Завтра он уже и не вспомнит, где сейчас находится. Все многоэтажки были похожи одна на другую. Улица тянулась на километры, пересекая Дмитровское шоссе.

– До свиданья.

Он поцеловал ей руку.

Пока она поднималась по лестнице, он продолжал держать дверь подъезда. Лада, улыбаясь ему, нажала кнопку вызова. Десантник смотрел, как она стоит на площадке. Не уходил. «Ну давай же, скорей приезжай, лифт! Вдруг он передумает и побежит за мной?»

У них в доме было два лифта. Пассажирский и грузовой. Лучше бы пришёл маленький. Но приехал большой, грузовой. Она ещё раз помахала десантнику рукой и зашла в пустое гулкое пространство кабины. Нажала кнопку двенадцатого этажа. Она слышала, как дверь подъезда хлопнула. «Он вошёл или нет?» Лада не слышала его шагов по лестнице. В ушах шумело, громко стучало сердце. «Миленький, ну шевелись, задвигай двери!» – шептала Лада. Если он передумает, то ещё успеет запрыгнуть в лифт. «Ангел мой! Будь со мной. Иди вперёд. Я за тобой. Аминь», – проговорила она про себя коротенькую молитву своему Ангелу, которую знала с детства.

Дверь, поскрипывая, медленно закрылась. Лада вышла двенадцатом этаже. Боязливо огляделась, сняла босоножки, чтоб не цокали, и босиком, по боковой лестнице, в темноте спустилась на третий, постоянно останавливаясь и прислушиваясь, в эти секунды стараясь не дышать. На лестнице было тихо. Порылась в сумке и вытащила ключи. Открыла дверь в холл. Ей казалось, что он стоит сзади. Она резко оглянулась, но позади неё никого не было. Проскользнула туда и быстро повернула ручку щеколды. Потом, стараясь не шуметь, вошла в квартиру и закрылась на все замки, набросила цепочку. Всё! Постояла, прислонившись к двери. Мама сонно позвала из спальни:

– Ладка, это ты?

– Я, мамочка.

– Где тебя носит? Который час?

Лада поняла, что мама сейчас зажжёт ночник у кровати.

– Не включай свет! – зашипела Лада. – Всё в порядке. Я сейчас тоже лягу.

Вдруг тишину ночи разрезал телефонный звонок.

Лада подумала минуту. Вошла в спальню к маме.

– Мама, прости, но ты должна сейчас ответить тому, кто звонит. Ты должна сказать, что здесь нет никакой Гали. Никакая девушка здесь не живёт. Ты поняла? Только не включай свет. Вдруг он следит.

– Кто – он? – ничего не понимая, спросонья вопрошала мама.

– Я потом всё тебе объясню. Ну, давай, бери трубку!

Мама ответила. Он ещё пару раз позвонил. Мама спросила его, какой номер он набирает. Да. Это наш номер, но никакой Гали здесь нет. Мама снова ушла в спальню, ругаясь на непутёвую дочь.

Лада зашла в ванную. Разделась. Стёрла специальным лосьоном с лица косметику, увидела свои круглые от страха, как у совы, глаза в зеркале. Покрутила пальцем у виска. Да, подруга! Ну ты сегодня и отчебучила! Дура! Досиделась, что чуть не погибла. «Господи, благодарю тебя!» – и она с благодарностью нащупала крестик на шее.

Включила душ. Вода побежала по телу, смывая прикосновения этого урода. Она сегодня избежала смерти. Сейчас бы её уже не было в живых или её мучил бы и издевался, резал на кусочки своим дарёным ножом этот фальшивый десантник. Наверное, только на днях вышел из психушки. Запросто всадил бы в неё эту свою джамбию. Лада запомнила незнакомое слово.

Кураж прошёл. Лада закрыла лицо руками, дрожа всем телом. Ноги подогнулись, она осела в ванну и сдавленно зарыдала, закрывая себе рот рукой, чтобы не услышала мама. Струи воды хлестали по спине, стекали по волосам. Кровожадный ублюдок! Ножом пугал! Зажмурилась. Откуда-то из абсолюта на неё смотрели чёрные, как пропасти, глаза цыганки. А ведь та правду сказала. Она знала, всё знала…

Картина

Трубка кричала, выла, ревела голосом сестры. От этих утробных звуков у Галины подогнулись колени. Брякнулась на шаткий пуф у телефонного столика. Раису было не перебить. Истерика на том конце всё никак не утихала. Сестра икала. Пила воду. Послышался звон разбитого стекла. Наверное, стакан уронила. Кое-как удалось всё-таки выспросить у неё страшные подробности, утихомирить, обнадёжить. Галя ещё не понимала как, но знала, что поможет. Она была младше, но рассудительней, сострадательней, принимала чужую боль близко к сердцу, а тут – сестра! Эмоциональная Рая в сложные моменты своей жизни всегда бросалась к ней за советом, перекладывала на неё ответственность. Галя привыкла.

Галина сидела на скамейке на набережной и задумчиво смотрела на мощные воды, которые золотило закатное солнце. Сколько же лет она здесь не была?

Мимо то и дело проходили влюблённые парочки, косясь на неё. Увидев, что скамейка занята, шли дальше. Набережная никогда не пустует. Это так называемый местный променад. По утрам здесь совершают пробежки приверженцы здорового образа жизни. А попозже, днём, пространство занимают мамочки с колясками и пенсионеры. Вечером зажигаются высокие молочные фонари. Появляется больше семей-

ных пар и молодёжи. Вид на Волгу потрясающий. На набережной много зелени, неумолчно шелестит в кронах лип и клёнов свежий ветерок. Под сенью старых деревьев можно спрятаться от зноя даже в самые жаркие дни лета. Смотровые площадки с удобными скамейками и столиками чуть выдаются в реку. Здесь хорошо посидеть, полюбоваться на кораблики, яхты под парусами, моторки, снующие туда-сюда, хлопаясь носами о волны. На протяжении всей набережной чугунная ажурная ограда. Есть и спуск к воде: можно помочить ножки, покормить уток, что особенно нравится малышам. На входе со стороны парка отдыха стела с Вечным огнём – Аллея памяти.

И зачем она отсюда уехала, от этого покоя и красоты? Что хотела найти в чужих краях? Наверное, счастье… А нашла ли? Галя уже несколько лет как вышла замуж за швейцарца и теперь жила в старинном спокойном Люцерне. Оттуда, из прекрасного далёка, ей казалось, что и на её родине, в России, всё устаканилось и лихие 90-е ушли навсегда в прошлое. Бандиты теперь цивилизовались, отмыли деньги и закрепились в политике и бизнесе. Криминальные разборки, скандальные разоблачения и общее брожение в народе утихли. Безденежье и развал армии и милиции тоже вроде как остановились, или это ей виделось так из «европейского рая». Новости туда плохо доходили. Швейцарцы были сосредоточены на самих себе, на своих внутренних делах. Телефонные звонки оттуда до́роги. С подругами и с роднёй она го-

ворила по-деловому коротко: что купить, какие вещи прислать, справлялась о знакомых, чрезвычайных происшествиях и новостях у друзей.

Все завидовали Галине. Вот повезло! Тощая, страшненькая, с переломанным ещё в детстве, в яслях при падении, и поэтому чуть вдавленным носом и выступающей челюстью. Сорокалетняя. Никогда не была замужем, а вот ведь! Подхватила где-то швейцарца и прямо из коммунальной служебной комнаты московского ЖЭКа, где она трудилась дворником, махнула в манящее, благословенное, недостижимое для многих европейское изобилие. Галя не разочаровывала знакомых. Сама когда-то верила в эту картину сказочной жизни. Теперь она уже знала истинную цену этих глянцевых миражей, но нам свойственно мечтать о том, что где-то на свете есть чудесная страна с прекрасными горами и водопадами, замками и дворцами, и там живут всем довольные, богатые и счастливые люди. Поэтому не говорила им, что муж оказался скупым и подарки она покупала на те копейки, что зарабатывала, убирая квартиры у швейцарцев. Одно хорошо. Что не стояла между ними прошедшая война. Швейцария была нейтральной, да и сейчас немцев там не любили. В немецкоязычном кантоне в центральной части Швейцарии, расположенном на берегу Фирвальдштетского озера, где Галина жила, говорили на несколько изменённом диалекте немецкого, да и сами напоминали соседей по внешнему виду, укладу жизни: рачительности, расчётливости, дисциплинирован-

ности и прагматичности. Однако не дай Бог сравнить дойчшвайцера – немецкого швейцарца – с немцем. Можно услышать много интересного о себе. Жители Немецкой Швейцарии боялись как огня этой похожести, открещивались от нежеланного родства всеми силами, а вот русских воспринимали как избавителей от нацистов. Уважали.

Вечер рисовал на небе картины одна причудливей другой. Видимо, на высоте гулял сильный ветер, и облака изменялись, краски размывались, будто там кисточкой водил немного нервный художник, которого почему-то не устраивал колорит. Галя надела куртку, захваченную с собой на всякий случай. Уходить не хотелось, но дома ждала сестра.

Муж Раи, удачливый местный предприниматель, после многих лет завязки сорвался. Когда-то он здорово закладывал за воротник. Без этого трудно в те годы было наладить отношения с городскими начальниками, ударить по рукам с клиентами, разрулить проблемы с «нужными» людьми. Мог бы и спиться. Но встретил длинноногую черноглазую Раю, которая его образумила, таскала по клиникам, уговорила зашиться, – и пить совсем бросил. Да и бизнес надо было развивать. Как ни крути, а у него семья. Один за другим появились на свет дети. Старший Ванечка и младший Андрейка.

Галя нянчила малышей сестры, а потом решилась. Рванула в Москву. Устроилась дворником. Надеялась наладить и свою жизнь. Не век же ей ютиться с семьёй сестры. У Виталия, мужа Раи, бизнес пошёл в гору. Мальчишки вырос-

ли. Старший уже учился в Саратовском университете. И вот откуда ни возьмись пришла беда. Ванечка жил в Саратове один. Родители сняли квартиру. Но во время частых наездов мать стала замечать странности в поведении сына.

Когда распался Союз, ворвалась к ним эта беда с Запада. Захлестнула Россию. Вот тебе западная модель свободы и демократии! Вместе с преимуществами разрекламированного либерального капитализма пришли и искушения, запретные удовольствия. В нагрузку. Получите, распишитесь. Галина давно уже поняла, что нет его нигде – идеального общества, а у каждого есть Родина, её принимают со всеми достоинствами и недостатками. А она уехала. Да. «Поблазнила судьба, да не далась», как, бывало, приговаривала мама. Везде хватает проблем. Те же швейцарцы… Им ничего с неба не падает. Трудятся, как пчёлы, тяжело и кропотливо, всю жизнь. Рассчитывают только на свои силы. В рот государство ничего не кладёт. Заработай сам. Заболел, потерял работу – и вся твоя жизнь разваливается, как карточный домик. Жёсткая система. Наверное, так правильно, хотя помнила Галина и бесплатные путёвки в пионерские лагеря, и лечение в санатории, и полный стандартный обед в школьной столовке, и билет в кино за 20 копеек. В голове у неё смешались тоска по безоблачному советскому детству и страшные страницы «Архипелага ГУЛАГ», проза Шаламова, жуткие рассказы Аксёнова.

Мысли прыгали. Возвращались к больному племяннику.

Господи, не дай сего! Галя в прошлые свои приезды заметила, что на городском кладбище много свежих могил совсем молодых людей: ребят и девушек, сгоревших от этой дряни. Свобода, отсутствие постоянного контроля, друзья, собиравшиеся в съёмной квартире, пирушки, попойки… Денег родители давали достаточно, чтобы отпрыск ни в чём не нуждался. Не сразу сестра уразумела, что с Ваней случилось. Ничего же не знали об этой заразе и о том, как её различить. Вроде не пьяный сын, а какой-то странный. В школе учился хорошо. Окончил с золотой медалью. А тут вдруг желание учиться у него пропало. Прогулы. «Хвосты». В один из своих приездов Рая вошла к спящему сыну. Во сне разметался. Хотела накрыть его одеялом – и вдруг увидела синяки на откинутой тыльной стороне руки, следы от уколов, и наконец всё поняла.

На Виталия надежды мало. Узнав обо всём, он и сам, недолго думая, утопил нос в рюмке. Рая кидалась в поисках помощи к бабкам, гадалкам, шарлатанам всех мастей. Совсем от горя потеряла голову.

Галя выпросила у мужа денег. Поворчал, но хоть сколько-то дал. Взяла взаймы ещё и у подруги в Москве. Рая всегда жила на широкую ногу, и всей нужной суммы ей самой собрать не удалось. У Виталия все деньги были в деле.

На днях уложили Ваню на платную реабилитацию, а мужа, Виталия, в частную клинику. Младший, Андрюшка, был при матери. Оканчивал школу.

– Этого никуда не пущу! – рыдала Рая.

– Ну не можешь же ты держать его всю жизнь под юбкой? Вроде парень с головой. Тебя жалеет. Помогает, – успокаивала Галя.

– Вот Виталий выйдет из клиники – пусть идёт к нему в фирму. Будет на глазах.

Виталий торговал стройматериалами. Леса в этих местах всегда хватало. Да и желающих строиться было много. По обоим берегам реки появлялись новые дачные посёлки для состоятельных людей.

Галя задумалась. Надо на кладбище к маме сходить. С этими заботами все дни недосуг, а уж и уезжать скоро.

Она вспомнила, как мать рассказывала о своей трудной послевоенной жизни. Однажды – они с сестрой были ещё девчонками – после купания в затоне загорали на пляже. Мать махнула куда-то назад рукой:

– А ведь здесь, неподалёку, был лагерь военнопленных. Я там работала.

– Мам! А немцы страшные были? – Галя с Раей, лёжа на одеяле, ели хлеб с колбасой.

– Да какие страшные? Обыкновенные. Люди как люди. – Мать погладила Галку, что лежала поближе к ней на полотенце, по головке. Вторая дочка, Рая, доела свой бутерброд, вскочила с полотенца и побежала купаться. Ей было неинтересно.

– Ну как же! Они же фашисты были! – удивилась мень-

шая, Галя.

– Были, конечно. Только странно мне сейчас думать об этом.

– Почему?

– Да потому, что смирные они были. Вроде не злые. Вежливые. Все мне спасибо за мою стряпню говорили. Работали споро. Худые, а две нормы давали. Аккуратные. Брёвнышко к брёвнышку.

– Ну они же были пленные. Вот и слушались, – брезгливо поморщилась дочь, доедая хлеб.

– Ты вот ешь хлеб с колбасой и думаешь, что это обычное дело. Да?

– А что здесь необычного? – удивилась Галя.

– Время послевоенное было, голодное. Похлёбка да хлеб. Хлеба, правда, в достатке привозили. Я их подкармливала иногда. Лишний кусок давала. Остатки с кухни.

– Зачем? Они ведь столько русских убили! – Галя с возмущением смотрела на мать.

– Как зачем? Мы же люди. И они люди. Тоже, наверное, не по своей воле на войну-то пошли? Погнали. Гитлер ихний.

– Мам! Ну как ты можешь? Это же фашисты!

– А вот ты бы каждый день посмотрела на них, как они едят из мисок, коркой-то вытирают, мыть миску после них не надо. – Мать помолчала, глядя на дочь с укоризной. – Они своё наказание выдержали все до конца. Отработали, город нам выстроили. Это ж солдаты. А с душегубами был у нас

другой разговор. Расстрел. А эти на поле боя воевали.

– Мама! Ты что говоришь? У нас миллионы погибли.

– Погибли. И что? Разорвать немцев теперь на куски? Этим нашему горю не поможешь. Страшная у них в голове каша была. Когда внушают тебе всё время одно и то же, что ты какая-то высшая раса, а коммунисты, евреи и все славяне – твои враги… Эх, дочка! Многого ты ещё не понимаешь… – Мать задумалась. – Один пленный мне на кухне помогал. Звали его Йоханнес, Иван, значит, по-нашему. Он как всё сделает по хозяйству, сядет около меня – и ну плакать.

– Почему?

– Вытащит карточку из кармана. Показывает. Жена и двое девочек. Вот как вы. И плачет, плачет. Я ему говорю: «Вот отбудешь положенный срок и поедешь к своей фрау, Йоханнес. Не горюй!» Ты же знаешь, где немецкое кладбище? Много их здесь осталось. Потом родственники из Германии на могилы приезжали.

– А этот? Йоханнес? Он уехал? – с ужасом, чувствуя в себе поднимающуюся непонятно откуда, неожиданную жалость, тихо проговорила Галя. Она сама не поняла, почему ей вдруг захотелось, чтобы этот немец выжил и уехал домой, к жене и детям.

– Да. Их отпустили в пятидесятом. Когда уезжал, всё кланялся мне. Руку к сердцу прикладывал. Он меня Schwesterchen звал. Сестрёнка, значит. Я молодая совсем была.

У Гали сжало горло. Отвернулась, чтобы мать не увидела. Мать всё же почувствовала. Похлопала по руке.

– Так-то, дочка… Русский человек – добрый. Ничего. Пусть помнят нашу доброту. А вот я тебе ещё историю расскажу…

Валентина Петровна улыбнулась. Сама не понимая почему, разоткровенничалась. Никогда раньше не рассказывала никому об этом. Она продолжила, чувствуя интерес дочери:

– Немцы жили все в длинных дощатых бараках. Одна стена у них глухая, а на другой были окна в ряд с решётками. Внутри стояли по обеим сторонам двухэтажные нары. В одной бригаде оказался паренёк. До войны, видно, на художника учился. И вот как-то красили они бараки. Этот пленный набрал разных цветов краски со всего лагеря. Загрунтовал стену барака и стал по вечерам рисовать, отодвинув нары. Хватилось начальство проверять, как они бараки-то покрасили. Видно, доложил кто-то. Глядь – а там во всю стену картина нарисована. Небо голубое, а позади горы со снежными вершинами. На зелёном лужке пасутся коровы. Пастух играет на свирели. Лопасти мельниц виднеются. На переднем плане домики. Мощённые камнем улочки, как из сказок немецких, которые я вам читала. Дома белые, с коричневыми балками. Из окна одного вылезла, выбивает матрас женщина в кружевном чепце. На другой стороне немец в шапке с пером и смешных коротких штанах сбрасывает со спины мешок на повозку смирной лошадёнке. На доме вывеска с

сапогом. Деревья кудрявые, палисадники с чудесными цветами. Аптека, гостиница. Улочка центральная вьётся. И по ней идёт юноша. Молоденький. С котомкой за плечами. Вроде подмастерье. Он обернулся и смотрит радостно с картины. Из раскрытой калитки бежит женщина, прохожие останавливаются. Шапки снимают. Смотрят на него. Мне потом Йоханнес-то объяснил. Это он домой вернулся. Подмастерье-то. Такой был в старину в Германии закон – ученики у них странствовали три года. – Мать помолчала. – А может, это они представляли, как сами домой вернутся, и это им давало силы жить. В плену-то, поди, не сахар. – Валентина Петровна покачала головой. – Одним словом, сотворил он простой малярной кистью настоящую немецкую деревню. Только не современную. Сказочную. А вместо рамы нарисовал гирлянды роз и виноградные гроздья и листья. Как ему удалось всё это написать, да так быстро? Видно, талант к этому имел. Охрана было хотела всё это закрасить, но дошло до начальника лагеря. Повели парнишку к нему. Какая картина? Не поверил. Сам решил посмотреть. А как увидел, то приказал не трогать. Весь лагерь ходил в их барак смотреть на эту красоту. А для немцев, наверное, эта картина была памятью о далёком доме, надеждой на возвращение. – Мама вздохнула: – Нельзя, дочка, на зло отвечать злом. Они и так пленные. Им хватило.

Галина очнулась от воспоминания. Поёжилась. Ветер всё-таки сильный. Над гладью водохранилища гасли краски яр-

кого сентябрьского заката. Уже зажглись фонари. Она поднялась и пошла по набережной, застёгивая на ходу куртку.

Завтра надо обязательно съездить на могилу к маме.

Виза в страну чудес

Алиса в слезах выскочила из офиса фирмы, которая обещала без долгого ожидания в общей очереди из казахстанских, поволжских и сибирских немцев, целыми деревнями переезжавших в фатерланд, сделать ей визу в Германию. Разумеется, услуги были платными. Заправилой там был молодой хитрован. На лбу у него было написано, что мошенник, и не надо бы с такими якшаться, но ничего не поделаешь. Алиса рискнула и… ошиблась. Наискось на свежей новенькой визе размашисто синей шариковой ручкой было написано: «Annullieren». Посольство Германии было от этой шараги, которая добывала визы за деньги, почти напротив. В состоянии, близком к истерике, она пересекла улицу и с плачем подбежала к пропускному пункту, где восседали два смурных важных немца. Те, как по команде, вскочили, увидев рыдающую девушку, и один из них отодвинул стекло, отделяющее сих небожителей от простых русских смертных, штурмующих посольство Германии пять дней в неделю. Алиса сквозь рыдания путано объяснила, тыча разворотом загранпаспорта в окошко, что ей только что перечеркнули въездную визу.

– Кто?! – бровки-домики одного из немцев с пунцовой физиономией от возмущения уехали аж на самую его бритую макушку.

Разгневанный вид дойча из будки как бы показывал, какое оскорбление нанесено Германии. Кто посмел испортить святая святых – въездной немецкий документ, где вместо немецкого «Ungültig»[1] красовалось разухабистое, неправильное «Annullieren»?!

– Кто это сделал?! – еле сдерживаясь, повторил он, и губы его задрожали.

– Фирма напротив, – тыкала куда-то пальчиком обиженная Алиса. – Они мне обещали сделать, но опоздали. Мой самолёт вчера улетел. «Люфтга-а-анза», – рыдала Алиса.

– Успокойтесь!

– Что мне делать? Я ждала целый месяц, и вот опять ждать?! – Алиса поддала истеричных ноток в голос.

– К кому вы летите?

– К жениху. Он немец!

– Русский немец? – уточнил сотрудник.

– Нет. Настоящий. Неме-е-ецкий! – Алиса изящно высморкалась в бумажный платочек. Одной половиной мозга, той самой, женской, она уже чувствовала, что её слёзный рассказ «забирает».

Алиса тогда ещё пользовалась тем, что она молоденькая и очень привлекательная. Знала, как её внешность действует на другую половину человечества. Огромные синие глаза, золотые волосы, небрежно заколотые на макушке; из причёски выбивались кудряшки; стройная фигурка в обтягива-

[1] «Недействительно».

ющем, ничего не скрывающем платьице. Сотрудник позвонил по внутреннему телефону. Что-то кому-то объяснял и в конце громко гаркнул: «Jawohl!» – явно пытаясь показать Алисе, что он не последний человек в посольстве и сможет ей помочь. Потом отключил рацию и вылез из своей будки. Далёкую от мужского идеала фигуру в униформе украшал пивной животик.

Махнул охраннику возле шлагбаума.

– Послушайте! У меня есть хорошая идея! Я провожу вас сам. Вы в таком состоянии… – он сочувственно моргал белёсыми ресницами, качал головой.

Миновав шлагбаум, они пошли по территории куда-то вглубь…

Консул сидел в просторном кабинете за большим столом. Он пребывал в отвратительнейшем расположении духа. Нервничал. Неожиданно, как кирпич на голову, свалился на него форс-мажор. Только что с поста ему доложили, что на фирму, с которой они неофициально сотрудничали и делили прибыль, пожаловалась какая-то недовольная клиентка. Кретин Алекс, заправила в этой шараге, взял да и перечеркнул ей визу. Надо их прикрыть на время, спустить всё на тормозах, чтобы не дознались дома, в министерстве. Ох! Деньги, конечно, они потеряют немалые. А так славно всё шло. Чёрт бы побрал эту склочную бабу! А если она будет болтать? Консула бросило в жар. Вытащил из коробки, стоящей на столе, бумажную салфетку. Вытер потный лоб. Нет.

Рисковать нельзя. Надо прикрывать. Да. Ситуация. Можно и погореть. Знал же, что с русскими нельзя иметь дело!

В кабинете было прохладно. Обстановка напоминала западные фильмы. Жалюзи. Экзотические растения. Дизайнерская офисная мебель, толстый ковёр. Ни пылинки.

– Прошу, вы присаживайтесь, фройляйн! Расскажите мне, что случилось. Но прежде утрите слёзы. Клаус, прошу вас, дайте девушке воды.

Помощник консула открыл минералку и взял стакан с подноса на переговорном столе. Девушка поблагодарила и сделала глоток.

– Вы – сам господин консул? – Алиса даже перестала плакать. Сложила ладошки на груди в немом восхищении.

– Да, милая фройляйн. – Консул немного успокоился и даже приосанился от такой реакции. Похоже, она ничего не заподозрила. Не связала в уме оба конца. Дурочка. Однако… Бережёного Бог бережёт! А всё-таки приятно чувствовать, что от тебя зависит чья-то жизнь и судьба.

– О! Помогите мне, пожалуйста! Только вы можете мне помочь! Умоляю! – хлопая ресницами, ворковала нежным голоском Алиса. Краем глаза девушка видела, что производит нужное впечатление.

– Прошу вас, расскажите очень подробно ещё раз, как всё было?

Алиса отпила ещё воды и поудобнее уселась на стуле.

– Значит, я обратилась в фирму, которая обещала мне сде-

лать визу в Германию. Побыстрее.

– А зачем вам было надо побыстрее? – улыбнулся консул. Приятно, что в твою страну так рвутся красивые молодые русские девушки. Хорошие гены, свежая кровь.

– Жених меня там ждёт.

– Да? А в каком городе?

– Мюнхен. Вот билет на самолёт. Он вчера улетел. А эти, из фирмы, обещали, но не сделали ко времени. Я потребовала деньги назад. А они… вот. Перечеркнули мне ви-и-изу! – И Алиса опять захлюпала носиком. – Что подумает обо мне мой жених? Он не поверит ни одному моему слову!

Консул посмотрел на паспорт с перечёркнутой визой и нахмурился…

– Жениху вашему мы всё объясним. Вот моя визитная карточка. Пусть позвонит. Что касается визы… – Он полистал перекидной ежедневник на столе. – Виза у вас самое большее через неделю будет… Что же мне с вами делать? – Консулу, видимо, не хотелось отпускать девушку так быстро, но предлога не находилось, да и сотрудник стоял рядом в ожидании распоряжений. – А сейчас вас проводят другой дорогой. Через сад нашего посольства.

Алиса удивлённо застыла на стуле, ничего не понимая.

– Чтобы эти бандиты вас не увидели.

Консул подождал, пока девушка поднимется, деликатно взял её под локоток и проводил до двери. И тихо позвал: «Клаус!» Помощник понимающе кивнул. Последнее, что

Алиса услышала, идя за Клаусом по длинному коридору, – как консул уже совсем другим тоном рявкнул по-немецки в селектор:

– Вызовите ко мне герра Барта!

Видимо, секретарша не поняла.

– Начальника отдела виз ко мне!

…Расспросив прохожих, Алиса, ещё не остыв, преисполненная праведного гнева и обнадёженная обещаниями консула, завернула в ближайшее отделение милиции и накатала от души заявление на главу фирмы, этого подонка Александра. Молоденький оперуполномоченный сочувственно выслушал её рассказ, принял заявление и обещал во всём разобраться. Выйдя на улицу из душного, пахнущего сигаретным дымом и непромытым полом помещения, Алиса удовлетворённо вздохнула и улыбнулась. В конце концов, это её гражданский долг! Возвращаясь домой через весь город, она мстительно представляла себе мучения «фирмача», падающего в обморок при виде милиционера. Так ему и надо, козёл! Не знал он, с кем связывается.

Алиса легла, но ещё не заснула, прокручивая в уме туда-сюда события последних дней. Далеко за полночь раздался звонок в дверь их квартиры. Мама уехала на дачу, Алиса была дома одна. От неожиданности она подскочила на постели. Звонки в дверь продолжались. Бесшумно, на цыпочках, она прокралась к двери посмотрела в глазок. Там никого не было, но от лифта четыре квартиры отделял запертый кори-

дор. Кто-то долго и настойчиво названивал в её дверь. «Что за хулиганы? Безобразие!» – возмутилась про себя Алиса, но вдруг почему-то заволновалась. Кровь ударила ей в голову, стало жарко. Она схватилась руками за пылающие щёки и вторично припала к глазку. Через пару минут наступила тишина. Алиса уже подумала, что сумасшедшие, звонящие в два часа ночи, ушли, но те, чуть помедлив, стали с удвоенной наглостью трезвонить в другие квартиры.

В холл вышел заспанный сосед дядя Паша, запахивая на ходу банный халат. Из-за его плеча выглядывала жена в ночнушке. Дядя Паша открыл дверь на лестницу. Оттуда просунулись два рыла бандитского вида. Алиса, затаив дыхание, наблюдала в глазок весьма оживлённый диалог сторон. Парни указывали на её квартиру.

– Что вам надо? – сосед совершенно не боялся бандитов.

«Вот пофигист!» – с невольным уважением подумала Алиса.

– В этой квартире кого-то убивают!

– Там мужчина бьёт женщину, и она кричит: «Помогите!» – добавил другой, тыча ручищами в её направлении.

И накачанные типы, по-блатному жестикулируя, хотели уже прорваться, отодвинув соседа, к двери Алисы.

– А ну, стоять! – гаркнул военный пенсионер и настоящий полковник, не потерявший ещё сноровки, командным голосом. – Что-то мне кажется, выдумываете вы всё. Я ничего такого не слышал, – дядя Паша подозрительно оглядел бра-

танов, стоящих по стойке смирно. – Никто здесь не кричит. Там проживают две женщины и никаких мужчин.

Они ещё минуту послушали. Сосед подошёл и, чтобы удостовериться, позвонил в Алисину дверь.

В это время Алиса пыталась понять, откуда на её головушку принесло этих упырей. «Кто это? Господи! Да это же…» До неё наконец допёрло. Она старалась не дышать и не двигаться. Ей казалось, что удары её сердца слышны соседу и тем типам на площадке.

– Ну, вы видите? Никого там нет. Вам почудилось, или это не здесь. Давайте уходите! – и сосед решительно, нисколько не церемонясь, вытолкал амбалов из холла и закрыл дверь перед их носом, подумал и два раза повернул защёлку замка. – Шляются тут… – Зевнул и, шаркая тапками, удалился.

Алиса тихонечко прокралась на лоджию. Квартира находилась над аркой, и разговор этих двух, вышедших из подъезда, можно было услышать до последнего слова.

– Надо было кричать, что там пожар. Или ещё как-нибудь выманить её. Ни хрена нет, а дверей понаставили, и ещё эта морда полковничья вылезла. Не валить же его.

– Вот сам бы и драл глотку! Босс нам теперь головы оторвёт. Ясно же приказал разобраться с ней. Вроде её квартира. Не открыла, …! – и бандит употребил нецензурное выражение.

Алиса, девушка впечатлительная, слушая этот обмен репликами, тут же представила, как они пытают её утюгом или

стреляют в неё из длинного пистолета с прикрученным глушителем. Как в фильмах. Кошмар и ужас! Неужели это происходит с ней?

Тем временем друзья-киллеры, продолжая чертыхаться, открыли машину, предусмотрительно оставленную ими в переулке, сели в неё и газанули. Видно, с досады.

…История эта случилась в начале 90-х, когда мир вдруг распахнулся и население, опьянев от свободы и открывшихся возможностей, рвануло в западный рай. Алиса случайно на смотровой площадке около МГУ познакомилась с немцем. Да не с простым, а самым что ни на есть бундесом. Гуляли по аллеям университетского парка всю ночь, объясняясь на птичьем языке. Потом немец укатил. Через месяц жених из Германии прислал Алисе в письме деньги на самолёт, но деньги, видимо, вытащили сотрудники почты. И кто их обвинит? Госслужащие жили на копеечную зарплату. Вот чудак! Кто же деньги в письме посылает? Алиса долго оправдывалась. Немец не хотел верить, что она не получила дойчемарок. Подумав, он всё же купил ей билет авиакомпании «Люфтганза». На тот самый самолёт, который улетел без неё.

Возможно, эти знаки – трудности, неудачи, странные непонятные сигналы – Алисе посылала сама судьба, а может быть, её ангел.

К несчастью, этих предупреждений свыше Алиса вовремя не поняла. Она всё-таки улетела и вскоре вышла замуж за своего недоверчивого скупердяя-дойча. После всего, что

ей пришлось испытать за эти годы на чужбине, – неудачное замужество, длившийся вечность бракоразводный процесс, одиночество с маленьким ребёнком на руках, безденежье и бесперспективность будущего, – она сожалела, что не поступила тогда иначе.

Ах, если б всё вернуть… Она не побежала бы через дорогу в посольство Германии, а со всех ног бросилась бы к троллейбусу, чтобы доехать до метро, умчаться в голубом вагоне на окраину её родной Москвы и забыть, забыть навсегда о кем-то перечёркнутой и от этого ещё более желанной визе, которая унесла её в заветную страну чудес – другую и несчастливую жизнь…

Авдотья-целительница

Яков с ужасом смотрел на шишку и тёмное пятно вокруг неё, с каждым днём разраставшееся на его руке. Это была смерть. Сибирка.

Люди шарахались от него. Один пожалел, посоветовал:

– Поезжай-ка ты, милок, к Авдотье, целительнице, что в Бутырках живёт. Она вылечит.

– Травница, что ли? Знахарка? – с сомнением спросил Яша.

– Нет. Молитвой исцеляет.

– Какой ещё молитвой? Я же коммунист.

– Ну смотри, – прищурился мужик. – Тебе помирать-то!

Собрался Яков. До Бутырок было неблизко. Глухая деревня в полях. Ни тебе леса, ни тебе речки, и станция далеко.

Доехав, к председателю не пошёл, а у старушки на краю села справился, где здесь живёт Авдотья-целительница. Бабушка махнула куда-то рукой.

– Коммунист, небось? – И ушла в дом.

Пошёл туда, куда указали, стараясь, чтобы не замечали. Другую старуху, что стояла на крыльце низенького домика, увидел.

– Где бы мне Авдотью отыскать?

– Мигалину?

– Да бабушка у вас исцеляет.

– Ну! Мигалина Авдотья Емельяновна.

– Ну вот… её. – Яшу прошиб пот. Ведь если узнают в партячейке, то, пожалуй, выгонят из коммунистов или ещё чего хужей… – Какая изба-то хоть у них?

– Старая. В вётлах, – ответила бабка и тоже почему-то ушла с крыльца в избу, затворив скрипучую дверь.

Намучился Яков, пока нашёл. Дело было уж к вечеру.

Постучал. Начал брехать страшенный кобель. Из сеней вышла с миской маленькая благообразная худая старушка, с тёмными провалами глаз, вся в мелких морщинках, в повойнике, чистом тёмном сарафане, подпоясанном под хилой грудью верёвочным пояском.

Она подошла к кобелю. Вылила в миску остатки картофельного супа.

– Не бреши, Мурзилка. Будеть. Свои.

Сторожевой пёс довольно завилял обрубком хвоста и сунул морду в похлёбку. «Ладно конура сколочена. Должно, хозяин ставил», – смекнул про себя Яков.

– Авдотья Емельяновна? Я к тебе, – произнёс он затравленно.

– Заходи, – без каких-либо признаков неудовольствия ответила бабушка.

Наклонившись под низкой притолокой, зашёл в сени. Стянул сапоги. По скрипучим половицам вошёл в избу.

На лавке в избе сидели два старика. Оглянулся на Авдотью.

– Это нищие странники, – сказала она. – Садись, мил человек. Вечерять будем.

В избе было чисто. Полы намыты. Коник и лавки покрыты тряпичными половичками. В углу божница. Стол большой, скоблённый добела. На трёх окнах нарядные занавески в цветочек задёрнуты. На столе деревянная солонка. От света керосинки на крюке под потолком расходились тёплые круги по избе.

Авдотья подхватила рогачом и, подложив деревянный каток, выкатила чугун из печки с горячей ещё картошкой. Каждый брал и чистил сам. Печка белёная. С полатей глядели четверо ребят.

– Баушка, дай хлебца! – ныли они.

– Вот я вас! Вот матери всё скажу, приедеть. – Она выставляла вперед фартук и грозно била по нему сухоньким кулачком, вроде как по тверди.

Дети её не боялись и через какое-то время начинали опять:

– Баушка, дай хлебца!

– Слезайте вечерять.

Ребята скатились, хихикая, толкая друг дружку, на широкие доски пола избы. Мал мала меньше. Забрались на лавку.

Потоптавшись, Яков присел к столу. Взял из чугуна картошку. Покидал из руки в руку, чтобы остыла. Пальцами чистил от кожуры. Спросил:

– А чьи ребята?

– Внучата. Дочь Пелагея в Москву уехала. Табак на базар повезла.

Яша пожалел, что ничего не принёс Авдотье. Сахару пострелятам или хлеба. Знакомец, что послал его к Авдотье, наказал ничего не носить: никаких подарков, даже, мол, и не думай. Она ничего не возьмёт.

После ужина самовар поспел. Уже при свете самодельной керосинки-маргаски посмотрела она распухшую тёмную его руку.

– На заре разбужу. Молиться будем вместе. Крест класть надо, Яков. В Бога-то веруешь? Креститься будешь? – заглянула, казалось, ему в самую душу добрыми глазами «баушка».

– Буду! – сразу почему-то согласился Яша.

Странники и Яков расположились на ночлег на лавках. В свете от лампадки тихо плели истории, что где слышно, какие чудеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.